

Иван Нечипорук

ГОРОД-СТРАДАЛЕЦ СЛЕЗАМИ ОМЫТ...

БОЛЬ

Хиросимой выцвела земля,
Посрывало кроны тополям.
Кряж, покрытый оспами воронок,
К небесам свой устремляет взгляд,
Пульс надежд его предельно тонок.

Эту боль придётся оправдать,
Ветер заметает города –
Ветер страха, безнадёжной мути.
Нынче смерть накроет Соледар,
Завтра разгуляется в Бахмуте.

Городов обломки скорлупой
Скорбно хрустнут под твоей ногой.
И, не веря трелям соловьиным,
Ты придёшь, от горечи слепой,
Жгучей болью омывая руины.

ЕСЛИ МЫ ВЫЖИВЕМ

Если мы выживем в этом огне,
В этом густом удушающем дыме
И, вспоминая об этой весне,
Сможем ли мы укротить этот гнев?
Если Господь нас оставит живыми...

Сколько в сердцах накопили мы зла –
В списках потерь без конца и без края?
Нас угнетали тревога и мгла,
Мы выгорали от боли дотла.
Рок выл над нами, как псина дурная.

Как это всё обнулить и забыть?
Нам говорили, что нужно быть выше.
Только обиды суровую нить,
Не оборвать, но и страшно хранить...
Если мы выживем, если мы выжи...

ВЕТЕР

Воспитанность у ветра не в чести –
Ревёт и мечет, словно сумасшедший,
Сметая все преграды на пути,
Как птица Рух над городом летит,
Рвёт крыши с перекошенных коттеджей.

Не в силах удержаться, чтоб не взвыть,
Проспекты стонут кронами акаций
И плачут ранним золотом листвы.
А ветер гнёт деревья, как ковыль,
Муштрует нас и учит не сдаваться.

* * *

Город висится громадой
За согбенною спиной.
Я смотрю вперёд с отрадой,
Что исполнил всё как надо
В этой схватке жестяной...

В поле чистом, в поле сизом
Ветры травы теребят.
Жизнь застыла под девизом:
«Будь хоть Глебом, хоть Борисом –
Святополк найдёт тебя!»

* * *

Горемычная сентябрьская планета –
Поседевший от войны Донецкий Кряж!
Реки выпиты до дна, все песни спеты,
И застывшие над головой ответы
Не укладываются в хронометраж.

Это царство трижды пуганых фазанов
Не сдаётся. Этот край к тому привык,
Что не временем залечивают раны
И историю назло эпохе бранной
Переписывает в новый чистовик.

ДАНТОВА ОСЕНЬ

Вот и осень роняет свои эполеты
Стылых клёнов в роскошно-желтеющем сквере.
Получив свой удар от холодного лета,
Я пытаюсь укрыться от шума и света:
Снисходя в те круги, где бродил Алигьери.

Ускользя от осени робкою тенью,
Не отринуть мне статус её фигуранта...
Но я верю, однажды тропю весенней,
Страх отбросив, я к свету начну восхождение,
К верхней точке, к которой стремился сам Данте.

ОКТЯБРЬ

Пусть октябрь сегодня на излёте,
Но бессильна хмурая тоска.
За раскатом вновь летит раскат,
И саднят от шрамов миномётных
Террикона мятые бока.

Но прозрачен купол поднебесья,
Запах осени сквозь листопад пророс.
Отряхнувшись от туманных грёз,
Вновь горят над храмом тонколесья
Золотые купола берёз.

НА ЗАРЕ

Смотри, какая чистая заря,
Какие облака парят над крышами!
Сочатся: пряный запах октября,
Оттенки мёда, меди, янтаря.
И тополя едва-едва колыхнутся.

Туман осел в низине луговой,
И счастье льётся с голосами птичьими.
Осенний город просто сам не свой
От Божьей красоты над головой,
Ликует, как дитя, забыв приличия.

КРОВАВЫЙ ВТОРНИК

Дышит декабрь по-драконьи свирепо,
Вьётся судьбины кровавый изгиб –
Это война собирает долги...
Гибельность звёзд на земле так нелепа,
Смерть-Архимед слепо чертит круги.

Кальмиус плещет волной Ахерона,
Пляшут над крышами злые дымы,
Город-страдалец слезами омыт...
В небе клубятся грачи да вороны –
Древние символы чёрной зимы.

ГОРЛОВСКИЕ СОНЕТЫ

1

Превращая стихи в согласованный шум,
Обречённо ищу подходящее слово.
Но душа, растерявшись, мне снова и снова
Настоятельно шепчет, что я, мол, спешу.
А ноябрь сверлит спину мне взглядом суровым,
Я опять не от печки по жизни пляшу.

Заговаривать сны нынче вышел сезон,
Но шаманят ветра по шершавой бумаге.
Я хотел написать про линялые флаги,
Но от этого страшный рождается звон...
Мне придётся забыть о вчерашней отваге,
Быть «героем не к месту» – уже не резон.

И слова улетают грачиною стаей,
Я вослед пепел старых тетрадей листаю.

2

Как в полусне сознание парит.
Всё врёт судьба, хоть вроде мягко стелет,
Я вне себя десятую неделю,
И к звёздам рвётся нерождённый крик...
Забычковав последний день апреля,
Я первый майский кофе заварил.

А город содрогается в ночи,
И остывает в чашечке эспрессо.
Там, над Глубокой, дымная завеса,
И воздух обречённостью горчит.
Моей весны безрадостная пьеса
Трепещет, словно язычок свечи...

Гул сотрясает небо без умолку,
И робкий май шагает по осколкам.

3

Ответы есть, но как найти вопросы?
Сомнения, как робких веток листья.
Моя душа беспомощней и мглистей,
Во тьме окурком тлеет папиросным...
Сегодня облетают абрикосы,
Каштановых свечей набухли кисти.

Весна идёт, а я не успеваю
Ловить оттенки света и цветенья.
Надежда надо мной кружится тенью.
Тоска ползёт, как лава огневая.
И стаи птиц, в беззвучном небе тая,
В вину мне ставят эру негоренья.

И выщербленной серою стеною
Стоят мои смятенья предо мною.

ВЕСНА ПО РАСПИСАНИЮ

Отцвели форзиции,
Сдав свои позиции:
У весны ротация – зацвела сирень.
Но безлюдны улицы,
Поднебесье хмурится,
Здесь автоматически человек – мишень.

Старой бесприданницей
Ходит смерть и мается,
Косит одуванчики, топчет зелены.
А мои окраины
Биты и изранены,
Плачутся околицы в фосфорных огнях.

А весна не ленится,
Всё цветёт и пенится,
Что ей до погибельных огненосных дней?
И с предельной грацией
Кружится в акациях,
Всё по расписанию, даже на войне...

ПРИШЁЛ ИЮНЬ

Пришёл июнь, рождается жара,
Цветёт чубушник в раненых дворах.
И нет надежды на дожди и грозы.
А по следам за мною ходит страх,
Который знает – это не игра,
А вынужденный шаг к метаморфозам.

Но тишина рептилией в жару,
Подставив спину солнцу поутру,
В себя вбирает умиротворенье.
На миг забыв войны порочный круг,
Мне верить очень хочется: «А вдруг
Продлится это хрупкое мгновенье!»

ЖДИ

Город, словно рыба в молоке,
В выхлопном тумане от ракет,
И в глазах – тревожная истома.
Не горят в безмолвном далеке
Слёзные огни аэродрома.

Декабрят холодные дожди,
И, напитываясь каплями вражды,
Город стонет в горьком исступленьи...
Но настойчиво дождинки шепчут: «Жди
Искупленья, исцеленья, избавленья!»

СУДЬБА

Облака смыкают своды,
А в судьбе моей прогал.
День грядущий предан, продан:
До весны всего полгода,
До неволи – полшага.

Но душа не унывает,
Ищет тропку через гать.
И спешит судьба кривая,
Кесарево отдавая,
Богу Богово воздать.

МЕРА

Я с душою чёрствою, как камень,
Нарушая промысел поста,
Изливаю боль под облаками...
Оттолкнуться б от земли ногами,
Только под ногами – пустота.

Это ли теперь не преступленье –
Верить в твердь потерянных годов?

Вновь теряя связи поколений,
Я ловлю руками чьи-то тени
И к потерям новым не готов.

Но пока в душе трепещет вера,
И ещё бессильны плен и тлен,
Болью обретаю чувство меры:
Не щадя ни памяти, ни нервов,
Нахожу свой путь в кромешной мгле.

г. Горловка